

Марат Валеев

Из одного металла льют...

«Издательские решения»

Валеев М.

Из одного металла льют... / М. Валеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980761-8

В этой книге рассказывается, как на защиту страны в грозные сороковые встали и мужчины, и женщины, взрослые и дети, русские и эвенки, татары и даже немцы, поволжские. Все вместе они — кто в окопах на передовой, а кто на оборонных работах в глубоком тылу, путем невероятных усилий и ценой собственной жизни сделали возможной нашу Победу, 75-летие которой мы нынче отмечаем и клянемся вечно хранить в памяти подвиг наших предков.

ISBN 978-5-44-980761-8

© Валеев М.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Фронтовики	7
Немцы на простынях	8
Под Сталинградом	10
Строчил пулеметчик	12
Сбежал парнишка на войну	16
Родом из Торопца	17
На фронт – босиком	18
Разведка	19
В оккупации	20
Пацанская война	21
Предатели от кары не ушли	22
А теперь – в партизаны!	23
Первая медаль	24
На крыльях мечты	25
Сделал все, как надо!	26
Судьба разведчика	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Из одного металла лют...

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2020

ISBN 978-5-4498-0761-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

*«Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд...»
Алексей Недогонов*

Сборник «Из одного металла...» включает в себя несколько очерков и документальную повесть об участниках Великой Отечественной войны, написанных в разные годы, но объединенных общей идеей: мы непобедимы, пока едины и остаемся патриотами своей великой многонациональной родины. В этой книге рассказывается, как на защиту страны в грозные сороковые встали и мужчины, и женщины, взрослые и дети, русские и эвенки, татары и даже немцы. Да, те самые поволжские немцы, которых власти согнали с родной земли, заподозрив их в симпатиях к захватчикам и возможном сотрудничестве с ними. Все вместе они – кто в окопах на передовой, а кто на оборонных работах в глубоком тылу, путем невероятных усилий и ценой собственной жизни сделали возможной нашу Победу, 75-летие которой мы нынче отмечаем и клянемся вечно хранить в памяти подвиг наших предков. Этот небольшой сборник тоже является вкладом в историю Великой Отечественной войны, сохранение памяти о ней на века!

Фронтвики

Их становится все меньше и меньше. И ведь наступит тот неотвратимый и подлый день, когда из жизни уйдет последний участник Великой Отечественной войны. Конечно, они навечно останутся в документальных хрониках и лентах, в газетных и журнальных публикациях, их подвиги запечатлены в романах и повестях, кинофильмах и спектаклях.

Но уже нельзя будет заглянуть в глаза этим легендарным людям, услышать от них самих о событиях тех страшных и в то же время величественных «грозовых сороковых», решивших судьбу нашей страны, да что там – всей Европы. Поэтому спешите пообщаться с участниками войны, если они еще есть рядом с вами, чтобы сохранить живую память о них.

Я же за свою без малого сорокалетнюю работу в качестве газетчика встречался со многими участниками Великой Отечественной войны, написал и опубликовал десятки зарисовок, очерков о них.

И пусть в основной своей массе это были публикации в скромных районных, окружной и областных изданиях, я знаю, что пожелтевшие вырезки с ними и по сей день хранятся в семейных архивах, и будут храниться еще многие годы.

К сожалению, я не сохранил в своем архиве ни одного очерка из тех 70- 80-х годов, они все остались в подшивках газет, в которых я работал. Но навсегда врезались в память отдельные фрагменты из тех газетных рассказов, повествующие о приключениях и злоключениях моих героев. Сегодня я поведаю только о двух фронтвиках.

Немцы на простынях

Дядя Андрей Чабан (отец моей одноклассницы), артиллерист, рассказывал, как весной 45-го в Восточной Пруссии они несколько раз за день брали и отдавали небольшую деревушку. К вечеру отбили ее у немцев. Потери, естественно, большие, устали как собаки, спать хочется. Но не до сна – командование опасается, что немцы ночью предпримут попытку выбить советских солдат из деревни.

Для того, чтобы не проспать контратаку, кто-то подает бредовую, на первый взгляд, идею: не ограничиваться боевым охранением, а выложить в месте вероятного продвижения немцев экран – не экран, но светлую полосу из собранного в деревне белья. На черной земле ее ночью будет хорошо видно издали, как и фигуры пересекающих или переползающих ее немцев.

– Наш комбат подумал и согласился, – рассказывал дядя Андрей, пытливо заглядывая мне в глаза – словно сомневаясь, верю ли я в его историю. Дядя Андрей – мужик очень суровый по жизни, неразговорчивый, у него медаль «За отвагу», ордена Красной Звезды и Отечественной войны и еще несколько наград, и у меня нет оснований ему не верить. Хотя история эта и в самом деле кажется, мягко говоря, необычной.

– Он дал команду собрать по всей деревне все белое белье, что у них есть, – удостоверившись, что на моем лице не дрогнул ни один мускул, продолжал дядя Андрей. – И мы ходили по домам немцев и забирали у них простыни, пододеяльники, наволочки... Все, что было белым. И они отдавали. А куда им было деваться?..

И вот уже в сумерках наши выложили метрах в ста от деревни такой белый полукруг из всего этого белого тряпья на черной земле, который с окончательным наступлением ночи просто так светился в темноте. И ведь сработало! Часа в два ночи оставленные в боевом охранении красноармейцы, напряженно вглядывающиеся в эту гигантскую белую подкову, заметили на ней подозрительное шевеление и открыли огонь. Контратака немцев была сорвана. Ну а с утра наши войска погнали их дальше на Запад.

На снимке – участники войны из села Пятерьжск (Павлодарская область, Казахстан), 70-е годы. Дядя Андрей Чабан второй справа в первом ряду.

Под Сталинградом

Запомнился рассказ другого участника боев под Сталинградом, но уже не моего односельчанина, а живущего в дальнем, степном совхозе имени XIX партсъезда. Фамилия у него была Бережной – имя как-то не зацепилось в памяти, хотя как звали его жену, помню – Татьяна Дмитриевна. Наверное, потому, что она была знатной дояркой.

Тетка эта была простая, трудолюбивая и бесхитростная. Однажды она ввела в истерику добрую половину зала, где шел пленум райкома партии. Татьяна Дмитриевна зачитывала по бумажке заготовленный для нее текст приветствия участникам этого форума от имени тружеников своего совхоза.

Произнося обязательную для той поры во всех публичных выступлениях фразу «Выполняя решения ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС», знатная доярка последнюю аббревиатуру произнесла так: «вещепесе...»

Мужа ее, инвалида войны, я увидел у них дома, когда, будучи в этом совхозе в командировке, брал у Татьяны Дмитриевны очередной материал о ее очередном достижении.

Бережной носил жиденькую бороду, но она плохо скрывала его изувеченный подбородок. Кисть левой руки у него тоже была как-то неестественно скрюченная. Тем не менее, он работал слесарем на молочно-товарной ферме. И только за обедом с бутылочкой лейтенант запаса Бережной рассказал, откуда у него эти увечья.

Он командовал под Сталинградом стрелковым взводом, не раз поднимал своих солдат в атаку и шел с ними на врага плечо в плечо. Осколок влетел ему в подбородок и буквально вмял его внутрь. От адской боли Бережной потерял сознание и упал.

Когда пришел в себя, двое солдат хотели повести его в санбат – он истекал кровью и оставаться на передовой уже не мог. Но Бережной, передав командование взводом своему заместителю, отказался от сопровождающих – от его взвода и так осталось уже меньше половины, и каждый боец был на счету.

Лейтенант дал себя перебинтовать и, шатаясь, отправился в санбат, до которого надо было пройти с полкилометра. За спиной грохотал бой, над головой и рядом то и дело со свистом и фырканием пролетали пули и осколки с немецкой стороны.

И не успел Бережной отойти от передовой и ста метров, как левую его руку что-то с силой отбросило вперед.

Он приподнял руку и увидел, что из раздробленной кисти торчат сухожилия и белеют изломанные кости – попавшая в него пуля была разрывной. Сознание Бережного уже мутилось от боли, но он, обернув pilotкой раненую руку, упрямо шел вперед. Вернее, назад, в тыл к своим.

И таких, вышедших из боя из-за ранений и оказавшихся небоеспособными, но в состоянии передвигаться самостоятельно, вокруг было достаточно много. Они, как зомби, брели в тыл своих войск, кого-то несли на носилках, кого-то вели под руки.

Некоторые падали и уже больше не вставали. Вскоре упал и Бережной – за спиной у него взорвалась мина, и осколок ударил его между лопаток. Его подобрала санитары, возвращавшиеся из санбата на передовую за очередными ранеными.

Он выжил, перенес несколько операций, но на фронт больше уже не попал – из-за тех страшных трех ранений, полученных им в один день, его списали подчистую. Домой, на Вологодчину, вернулся калекой, зато орденосцем. В начале 60-х уехал на целину, во вновь созданный совхоз, где и познакомился со своей будущей супругой Татьяной.

Тот очерк про него, который потом появился в «Ленинском знамени», был первым в жизни лейтенанта Бережного, да и, пожалуй, последним. Татьяна Дмитриевна мне потом при встрече рассказывала, что муж плакал, когда читал его.

Практически никого из героев моих газетных публикаций в живых уже не осталось. Но я буду помнить о них и гордиться тем, что знал их, всегда.

Строчил пулеметчик

Маленькая Эвенкия (население её в 1941 году составляло немногим более 10 тысяч человек) отправила на фронты Великой Отечественной войны 1842 бойца, из которых домой не вернулись около 500. По призыву и на добровольных началах на войну уходили как русские, так и представители многих других национальностей, живших на то время в Эвенкии, в том числе, разумеется, и эвенки. Среди них был и промысловик Антон Мукто. Он ушел на фронт на втором году войны и оказался среди тех счастливых, кто выжил в горниле этой чудовищно войны и вернулся домой. Правда, весь израненный, но зато с наградами за проявленные мужество и доблесть в боях с немцами.

– Меня на фронт сразу не взяли, председатель окрисполкома Давыдкин не пускал, бронь дал, сказал: кто-то должен и в тылу работать, – рассказывал мне Антон Валентинович Мукто в 1995 году, накануне очередного юбилея Победы. Я его нашёл в больнице – он тогда прихворнул, давление донимало. Все же семьдесят пятый год тогда шёл ветерану, за плечами которого была не просто достаточно долгая, но и наполненная многими испытаниями, лишениями жизнь.

Когда началась война, Антон Мукто вместе со своей семьей, в которой, помимо него, было ещё одиннадцать детей, жил на фактории Виви. Отец его умер рано, еще в 1936 году. Большой был трудяга, но один не в силах был прокормить такую большую семью. Поэтому с ранних лет приобщил к труду и Антона, как старшего из сыновей. Парнишка из-за того, что надо было во всём помогать отцу, так и не пошёл в школу. Уже в тринадцать лет он начал самостоятельно охотиться, добывал в тайге белку, горностаю, колонков и сдавал в заготпункт. И этот его приработок был весомым подспорьем в большой, не избалованной достатком семье.

С малых лет, чувствуя себя в тайге как у себя в доме, Антон быстро стал одним из добычливых промысловиков в Илимпейском районе. Лёгкий на ногу, он в поисках лучших для охоты мест запросто проходил по тайге десятки километров, метко стрелял из своего выдавшего вида ружья-«переломки».

В 1939 году Антон стал комсомольцем. И в том же году его, как лучшего промысловика, исполком окрсовета утвердил участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Вот что писалось в постановления окружного комитета ВКП (б) и исполкома окрсовета от 18 декабря 1940 года по поводу успехов молодого промысловиака: «А. В. Мукто – члена Вивинской ППО [Простейшее Производственное Объединение], участника Всесоюзной сель-

скохозяйственной выставки, в IV квартале 1940 года добыл пушнины на сумму 4 тысячи 918 рублей, премировать ружьем центрального боя».

Антон сумел добиться высочайшего результата по Эвенкии – в день он мог добыть до 40 белок. За лучшие показатели по добыче цветной пушнины Главный комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки присудил Антону Мукто Малую серебряную медаль, а исполком Эвенкийского окрсовета в 1940 году вторично утвердил его участником ВСХВ на 1941 год.

Кстати, вот это умение без промаха бить в цель и определило в дальнейшем военную судьбу.

– Хоть и небольшая была наша Виви, – вспоминает Антон Валентинович, – но когда началась война, от нас за один только раз на фронт ушли сразу шесть человек. А потом ещё и ещё... Меня же всё не берут и не берут. Ну, потом всё же добился, чтобы и меня открепили от брони и взяли на фронт. А то как-то нехорошо получалось: мои земляки там воюют, гибнут, а я в тылу прохлаждаюсь...

В августе 1942 года Антона Мукто и с ним ещё троих односельчан отправили в Красноярск – по Нижней Тунгуске, по Енисею. В краевом центре ему пришлось провести целых шесть суток – спать где попало, есть что найдется, пока его и других новобранцев, наконец, переправили на пересыльный пункт. Там их продержали еще пару недель, отсортировали – кого куда и в какую команду направить. Так Мукто очутился в Иланске. Здесь из сибиряков формировали лыжный стрелковый батальон и почти до конца 1942 года обучали всяким военным премудростям. Мукто всё схватывал на лету. Впрочем, для него это было несложно: на лыжах он и так умел ходить, меткости в стрельбе сам мог обучить кого угодно.

И лишь после всего этого их батальон погрузили в эшелон и отправили на фронт. Через несколько суток пути на какой-то станции их выгрузили, считай, в чистом поле, поставили на лыжи – и вперед. Маршрут был в направлении Калининской области, до которой от места выгрузки – ни много ни мало – 700 километров. И вот весь этот путь на передовую сибиряки проделали на лыжах. В первый день сделали 50 километров, во второй – 60.

Сначала шли ходко. Полевая кухня плелась где-то сзади, а батальон, навьюченный стрелковым оружием, немудрёными солдатскими пожитками в заплечных мешках, в белых маскхалатах поглощал километр за километром, только снежная пыль столбом стояла.

Питались всухомятку, горячее ели только через день-другой, а то и на третий, потому как кухне надо было где-то останавливаться, раздобывать дрова, растапливать снег на воду, варить кашу и уж потом догонять батальон, учесавший к тому времени на десятки километров.

Но через неделю почти непрерывного пути, когда и спать приходилось почти на ходу, люди стали выдыхаться. Немало солдат тогда погибло, так и не дойдя до передовой, – отставали от колонны, падали в снег и засыпали. А это верная гибель. Замерзали и на привалах, кому не доставалось места у костров.

И всё же к месту назначения батальон дошёл. И, как оказалось, напрасно: ситуация изменилась, сибиряки в этом месте уже не понадобились. И погнали батальон, так и не понюхавший пороху, но уже понёсший потери, обратно.

Сибиряки были злые как черти, что вот столько километров пришлось отмахать и после этого не отыгаться на немцах. Впрочем, отыгались позже. В войне уже наступил перелом, фашистов начали гнать с нашей территории.

Антон Валентинович в беседе со мной уже с трудом вспоминал названия тех деревенок, городов, которые приходилось брать с боем. В памяти остались лишь важнейшие из них, где и немцев побили много, и где своих оставили – не счесть: Ржев, Курск, украинские сёла. Весь 1943 год Мукто был на передовой в самой гуще боёв. Его верный «максим», самый популярный станковый пулемёт в наших войсках, изрыгнул не одну тысячу смертоносных пуль.

– Много ли немцев положили вы лично, Антон Валентинович? – с почтением прашивал я своего собеседника.

– А чёрт его знает! Стреляю – вижу, падают. Не считал. Но много, однако, – подумав, сказал он.

Пулемётчики всегда шли в первых рядах наступающих. Выдвигались на передовой рубеж и поливали раскалённым свинцом вражеские траншеи и окопы, подавляли их огневые точки. Без поддержки пулемётчиков пехоте наступать было бы очень скучно. При отражении вражеских контратак опять же большие надежды всегда возлагаются на пулемётные расчёты. Ну а если он ещё при этом не пуляет в белый свет как в копеечку, а каждая третья-пятая пуля находит свою цель, как это умел делать Мукто, такому расчёту цены нет. Вот почему командир роты Александр Ера был буквально влюблён в своего пулемётчика, промысловика из далёкой неведомой Эвенкии.

Офицер так и говорил:

– Многие из нас, Антоша, обязаны тебе жизнью. Но смотри, не зазнавайся!

Однако Антону такое чувство было вовсе неизвестно. Он просто исправно выполнял свою работу и, как бывало в тайге, экономно расходовал патроны, стараясь всегда попадать в цель. Хотя сделать это при автоматической стрельбе из пулемёта, за минуту выплёвывавшего сотни пуль, было непросто. Поэтому Мукто стрелял короткими очередями и бил наверняка. Но когда надо было не дать немцам поднять головы, чтобы наступающие красноармейцы добежали до их расположения с наименьшими потерями, накрывал окопы плотным огнём.

Урону фашистам пулемётный расчёт Мукто наносил немало, поэтому на него всегда велась охота: старались накрыть снарядом или миной, забросать гранатами, поразить из обычного стрелкового оружия, из пулемёта. И безуспешно, надо признать. За время участия в непрерывных боях А. В. Мукто был ранен шесть раз: в ноги, руки, корпус. Его тело рвали минные и снарядные осколки, пронзали пулемётные и винтовочные пули.

После каждого из пяти первых ранений Мукто, подлечившись в госпиталях, вновь становился в строй, причём, всегда возвращался в свою часть, к своему верному, выдавшему виды «максимум», и рота облегчённо вздыхала: «Живём, наш Мукто им сейчас задаст!» И он давал фашистам прикурить. Пока шестое ранение окончательно не выбило его из строя.

На санитарном поезде Антона Валентиновича в 1944 году из Украины повезли в Казахстан. Лечили по дороге, лечили в госпитале, размещившемся в степном пыльном городке Алга. Поправился вроде пулемётчик, тем не менее врачи не решались больше отправлять его на фронт, поскольку Мукто мог уже служить наглядным пособием для начинающих медиков по характеру и видам ранений.

Так что комиссовали таёжника подчистую, и отправился он в родную Эвенкию многовёрстным путём через Ташкент, Алма-Ату, Новосибирск, Красноярск и далее по Енисею и Нижней Тунгуске.

Таёжная фактория Виви встретила его безлюдьём: отсюда к тому времени на фронт ушли уже 18 мужчин, практически вся наиболее трудоспособная мужская половина населения этого маленького эвенкийского стойбища. Ушёл на фронт и младший брат Антона Александр, впоследствии погибший в Берлине в 1945 году, как и подавляющее большинство почти двух десятков вивийцев-фронтовиков. Из участников войны, мобилизованных из Виви и вернувшихся домой, дольше всех оставался Антон Валентинович. Пережил он и всех членов своей некогда большой семьи. Но всё это было потом.

А тогда, в 1944-м, даже толком не отдохнув после ратных трудов, он включился в мирную работу: выпасал оленей, добывал пушнину. Сначала работал на колхоз имени Сталина, который был образован на фактории Виви. Позже, когда высокое начальство посетила «идея» объединить все мелкие эвенкийские поселения в более крупные, – трудился уже на колхоз «Верный путь» в селении Уча ми, куда были переведены все вивинцы.

– Всё там бросили – жильё, промыслы, пастбища. А ведь какое хорошее место было! – с сожалением вспоминал Антон Валентинович. – Потом избушки из Виви пришлось переправ-

лять в Учами, ведь тут почти ничего не было. Нет, неправильно, по-моему, сделали начальники: это Учами надо было переводить на Виви...

Но что сделано, то сделано. Обосновавшись в Учами, Антон Валентинович занялся тем же, чем всегда: оленеводством, охотой. А известен он стал всей Эвенкии именно как знатный оленевод. Ещё бы: приняв бригаду, в которой было 800 оленей, он через три года добился увеличения стада почти до четырёх тысяч голов. Ему завидовали, просили поделиться секретом, при помощи которого он достигает таких результатов.

– Да, секрет у меня есть, – рассказывал Антон Валентинович, выступая перед молодыми пастухами на слете оленеводов округа. – Совсем простой секрет: рано встаю, поздно ложусь, меньше чая в чуме пью, больше в тундре за оленями слежу. Вот и весь мой секрет. Отдаю его вам, молодым. Уверен, возьмете в свою копилку – скоро обгоните меня...»

И вполне естественно, что к боевым наградам Мукто – медалям «За отвагу», «За боевые заслуги» (он смог сохранить только эти, остальные, увы, растеряли детишки) прибавились знаки отличия за высокие достижения в созидательном труде, в том числе ордена Ленина и Октябрьской революции.

К его послевоенным достижениям следует также отметить участие в работе XXVI съезде КПСС

в качестве делегата от Эвенкийской окружной партийной организации, предоставление ему статуса Почетного жителя Эвенкии.

Умер знатный промысловик и оленевод Антон Валентинович Мукто в 1996 году в возрасте 75 лет. И навсегда остался в памяти народной, в истории Эвенкии как замечательный труженик и отважный воин.

Сбежал парнишка на войну

Во все времена в лихую для нашей страны годину рядом с взрослыми защитниками Отечества старались встать с оружием в руках – и у них это получалось! – и подростки. Вот об одном таком юном герое, Володе Львове, с которым я познакомился в его уже зрелые годы в Эвенкии, и хочу сегодня рассказать.

Родом из Торопца

Есть в Тверской (Калининской) области древний город Торопец. Здесь с 13 века существовала крепость, стоящая на западной границе Смоленского княжества. Вся история Торопца связана с бесчисленными отражениями нашествий литовцев, поляков, шведов, германцев, других захватчиков. Поэтому торопчане или, как их раньше называли, кривичи, из поколения и поколение воспитывались в духе воинских традиций, готовности всегда дать отпор незванным гостям.

В роду у Львовых все мужчины, что прадеды, что деды, а также отец Володи, братья – все в свое время стояли под ружьем, участвовали и в русско-турецких кампаниях, в первой империалистической и последующих войнах. Не один из этого рода сложил свою голову или получил увечье. В 1941 году настала очередь встать в ряды защитников Родины и юному, пятнадцатилетнему Володе.

Когда Молотов выступил по радио с известием о нападении на СССР гитлеровской Германии, почти все мужское население Торопца пришло в движение: кто добровольно отправился в военкомат, кто уже с повесткой.

Дядя Володи – Василий Николаевич, был призван на сборы из запаса еще 18 июня. И в первый же день войны лагерь запасников попал под жестокую бомбежку. Люди, не успевшие даже надеть обмундирование, практически все погибли. В родной Торопец вернулись только двое из них. А вот отец Володи – Иван Николаевич, – воевал в армии Катукова, был ранен, контужен, но вернулся домой с Победой и дожил почти до ста лет!

На фронт – босиком

Но вернемся в тот грозовой 41-й год. Когда все старшие мужчины из семьи Львовых ушли на фронт, то что же оставалось делать Володе? Он себя к службе в армии готовил с детских лет, даже в школу ходил во всем военном, перешитом на его рост, включая шинель вместо пальто.

Впрочем, не он один так ходил – жили в те годы торопчане скромно, носили что подвернется, а обмундирование красноармейское в их городке было доступным – здесь стоял гарнизон, в котором и служил отец Володи.

Володя, и с ним еще парнишек пятнадцать, все непризывного возраста, собрались и отправились в военкомат. Их оттуда, конечно, поперли – «Без вас обойдемся, вам еще подрасти надо!».

Тогда Володя сбежал из дома и прибил к стоящим на окраине Торопца артиллеристам, выдав себя за сироту. И удивительное дело – его не прогнали. Шустрый пацан (невысокий, босой) глянулся командиру 2 батареи 1 дивизиона 501 гаубичного полка.

Володе нашлось дело как коноводу. Парень понравился теперь уже всем батарейцам – своей исполнительностью, дисциплинированностью. Новому бойцу и любимцу батареи даже справили не обычные кирзовые, а яловые сапоги.

У Володи появилась персональная лошадь для верховой езды, в обозе он нашел бесхозную винтовку – мосинскую трехлинейную, и хотя ростом юный солдатик был меньше своего грозного оружия с тускло поблескивающим трехгранным штыком сантиметров на десять, вид у него был довольно бравый.

В обязанности Володи Львова поначалу входили преимущественно хозяйственные работы: заготовка кормов для лошадей – а их на батарее было не менее сорока (120-миллиметровые гаубицы с зарядными ящиками – довольно тяжелые агрегаты, потому каждое орудие тащили по восемь лошадей); также заготовка продовольствия для батареи, за которым он ездил на повозке вместе со старшиной по окрестным селам.

Разведка

Но не обошлось и без участия в боевых действиях. Под Великими Луками наши войска, что там были, после кровопролитных сражений попали во вражеское окружение. Бесперывные бомбежки, танковые атаки мало что оставили от 501 артиллерийского полка. Гибли люди, гибли лошади, в железный лом превращались пушки.

Батарейцы рискнули отправить Володю Львова в разведку в деревню Михальки, к которой вышли остатки наших окруженных войск. Надо было пойти и разузнать, есть ли там немцы. Сняли с него шинельку, гимнастерку, оставили в майке да гражданских штанах, найденных в одной из повозок. При виде этого шуплого подростка вряд ли кто мог заподозрить в нем разведчика.

Володя выбрался из оврага, в котором затаились бойцы, и пошел в деревню. Немцы туда уже втягивались. Одному из них понравились сапоги на ногах парнишки, стоящего в кучке сельчан на обочине дороги. Жестами, окриками «Вэк, вэк!» он приказал Володе снять сапоги.

Парнишке очень жалко было расставаться со своей такой классной обувкой, и он, отрицательно мотая головой, попятился назад. Тогда немец что-то проорал, подскочил к нему и двинул кулаком в глаз. А много ли шуплому парнишке надо?

Очнулся он, уже лежащим на земле, сапог на нем не было. Но они валялись рядом. Какая-то сердобольная бабка, заведшая его к себе в избу и сделавшая примочку к ушибленному месту, пояснила, что на того немца наорал другой, видимо, по чину постарше, отнял у него сапоги и бросил к ногам потерявшего сознание мальчика. Так Володя и вернулся из разведки: в спасенных яловых сапогах, со сведениями о наличии немцев. И с огромным фингалом.

Уходящие на восток наши потрепанные войска не стали выходить на занятые немцами Михальки и двинулись дальше по длинному оврагу, перешедшему в более пологий лог. Немцы их заметили,

бросили туда ганки и вдребезги разбили остатки наших войск. А их в том злосчастном логе скопились не сотни, а тысячи – из остатков разных подразделений. Многих убили, но еще больше взяли в плен.

В оккупации

Легко раненному в руку и голову, Володе удалось схорониться в кустах. На этом его служба в артиллерии, можно сказать, закончилась. Он стал пробираться к себе домой, в Торопец. Продолав путь длиной в километров 80, обнаружил свой дом пустым. Только в одной из комнат нашел деда.

Торопец был уже занят немцами.

– Все наши вакуировались, – сообщил дед. – Тебя ждали, ждали, когда объявишь, да без тебя уехали. А я остался, мне какая разница, где помирать? Лучше уж дома...

Володя то с дедом жил, то у соседей, у которых хоть поесть что было. А потом и мама его с младшими детьми и другими родственниками вернулась. Оказывается, поезда уже не ходили, и они пешком побрели с толпой беженцев на восток. Да только куда ни ткнутся – везде уже немцы хозяйничают. Тогда мама и решила вернуться домой.

Она отругала старшего сына за такую длительную отлучку – домочадцы уж и не знали, что думать. Не дай Бог, сгинул где от шальной или злонамеренной пули, тогда ж это запросто было. Володя уже не стал рассказывать матери, что успел за эти несколько недель повоевать.

И зажили они в условиях оккупации, когда и голодно было, и холодно, и боязно. Володя все больше пропадал на улице со своими сверстниками. Их было пять или шесть пацанов, объявившим фрицам свою, малую войну.

Пацанская война

Они могли украдкой подсыпать немцам на кухне песок в варево, толченого стекла в корм их лошадям, а то и кабель перерезать. Конечно, большого вреда немцам это не приносило. Но хотя бы беспокоило. А как-то пацаны раздобыли взрывчатку и хотели взорвать мост через реку Торопу. Но тут Володе Львову пришлось срочно бежать из города.

Полицай Федоров Василий Федорович невзначай увидел, как он перерезал телефонный провод. Увидеть-то увидел, да не уверен был, что это именно Володя Львов, которого он знал. Полицай подслеповатым был, всегда ходил в каких-то синих очках. И потому он срочно пошел к Львовым с таким расчетом, что если парня дома нет, то это именно он и совершил диверсию. И останется только дожидаться его возвращения.

Но Володя был резвее и знал путь к себе домой более короткий, чем по улицам. Когда полицай Федоров пришел к Львовым, Володя, как ни в чем не бывало рубил во дворе хворост для домашней печи.

Полицай долго и с подозрением смотрел Володю, казалось, вот-вот начнет его обнюхивать.

Но он просто зло закричал:

– Это ты был, я знаю! А ну, пойдем в комендатуру, повесить тебя надо за такие вредительские дела.

Ну, тут мать и дед Володи накинулись на полицая: «Ты его с кем-то перепутал, Вовка сегодня никуда еще со двора не выходил!...». Так и отбили свое непутевое чадо от насевшего полицая.

Предатели от кары не ушли

Володин дедушка хорошо знал этого Федорова, они до войны в одном гараже сторожами работали. Иван Дмитриевич еще тогда, когда Федоров только собрался в полицию идти, отговаривал его: «Смотри, Василий Федорович, как бы не пожалел потом».

И ведь точно, когда наши пришли, Федоров прибежал к деду: «Иван Дмитриевич, заступись, скажи нашим, что я вреда никому не делал. Вон и внука твоего не тронул тогда, помнишь? А ведь было за что, я точно видел, как он телефонный провод перерезал». На что дед ему сказал: «Я тебя предупреждал? Так что иди с Богом, а я тебя перекрещу». И перекрестил его, понуро уходящего с их двора, в спину.

Федоров какое-то время скрывался по тайным местам в городе, но его выследили – многие ведь знали в небольшом Торопце, что служил он в полиции. А Федоров, когда за ним пришли, стал убегать. Ну и красноармеец, который за ним гнался, ударил его прикладом по голове, чтобы остановить. Да насмерть.

А самым главным полицаем в Торопце служил бывший начальник паспортного стола Васильев. Как он ни прислуживал немцам, они его с собой не забрали, когда уходили из города под натиском Красной Армии. Ну, а когда наши пришли, Васильева этого повесили. Ни один предатель не миновал своей кары.

Но это я немного забежал вперед. После того случая, когда полицай Федоров заподозрил Володю Львова во вредительстве немцам, за парнишкой был установлен негласный надзор. Володя это почувствовал и бежал из города. С ним ушла и его двоюродная сестра Анна – она приглянулась одному немецкому офицеру, тот стал приставать самым наглым образом и схлопотал от разгневанной девушки пощечину.

Брат и сестра скитались по соседним деревням, прятались у родственников, которых, к счастью, у них в этих местах было много. Вернулись в город уже после того, как немцев выбили.

А теперь – в партизаны!

Объявился и их сосед, Володя Степин, с винтовкой на плече. Сказал, что записался в партизаны. Назвал загоревшемуся тезке и адрес, куда можно обратиться: в разместившийся с приходом наших войск в Торопце 4-й отдел НКВД по Калининской области.

Отдел этот специализировался на организации партизанского движения в тылу врага, диверсионной деятельности. Начальник подполковник Котлов выслушал явившегося к нему паренька, пораспрашивал, где и чем он занимался в последнее время, и сказал:

«Запишем тебя в истребительный батальон. Если знаешь еще кого-то из надежных ребят, приводи».

Месяц новоявленных истребителей учили разным премудростям диверсионной деятельности, а потом первую группу отправили в тыл врага, за сбором разведданных.

Сначала ушли 6 человек, потом, после успешного выполнения задания, еще 11. Самая большая группа, вместе с которой Володя участвовал в рейде по вражеским тылам, состояла из 40 истребителей, парней и девчат.

Что они там делали, за линией фронта? Подрывали мосты, железнодорожные пути, выводили из строя связь, нападали на небольшие вражеские гарнизоны. Естественно, это доставляло немцам немало хлопот. И они всеми силами и средствами пытались найти эти диверсионные летучие отряды их и уничтожить. Не было ни одного выхода в тыл врага, чтобы группы возвращались назад благополучно, без потерь. Но поставленные командованием задачи юные партизаны-диверсанты с честью выполняли: не давали немцам и их пособникам спокойной жизни, отвлекали на себя значительные неприятельские силы.

Так прошли 1942 и 1943 годы. В январе 43-го Львов вступил в комсомол и как бесценную реликвию, как главный документ своей жизни многие годы, практически до конца дней своих, хранил комсомольский билет, за №15349596, выданный Кашинским РК ВЛКСМ Калининской области.

Первая медаль

В том же 1943 году приказом начальника Центрального штаба партизанского движения №3/н от 16 февраля 1943 года «...за доблесть и мужество, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков» был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» II степени. В дальнейшей его жизни были и другие награды, но эта для Владимира Львова была самой памятной и дорогой.

Что же было потом? Немцев гнали все дальше и дальше, на освобожденных территориях Калининщины и Псковщины партизанам больше делать было уже нечего. Взрослые влились в регулярные части Красной Армии и пошли с ними на запад, за Победой.

А мальчишкам и девчонкам, вчерашним участникам партизанского движения, надо было привыкать к мирной жизни, а главное – учиться, чтобы встать на место тех, кто ушел на фронт и не вернулся.

У Володи была давняя мечта – стать летчиком. Вот с этим он и пришел в свой 4-й отдел НКВД, посверкивая новенькой медалью: «Раз мне дальше воевать нельзя, дайте направление в летное училище, летать хочу!»

На крыльях мечты

После окончания школы младших авиационных специалистов Львов был направлен для прохождения дальнейшей службы в Австрию, где и летал. Правда, не пилотом, а стрелком-радистом.

Потом была служба в ЛИИ (Летно-исследовательский институт, г. Жуковский) ВВС, где испытывались различные типы самолетов, и должность у Владимира Львова, соответственно, называлась, воздушный стрелок-радист-испытатель. Всякое приходилось испытывать, и не только на самолетах, но и на себе: и горели в воздухе, и падали. И гибли, конечно, при этом.

Но к Львову судьба была благосклонна, он уцелел на этой опасной службе и продолжил учебу. И в конце концов, добился своего: после окончания Балашовского авиационного училища сам стал пилотом, учил летать и других, поскольку его оставили в училище летчиком-инструктором.

Впоследствии судьба распорядилась так, что Владимир Иванович после завершения военной службы работал в заполярной авиации, участвовал в становлении и развитии Туринского авиапредприятия в Эвенкии. А еще он в это же время умудрился получить юридическое образование на юрфаке МГУ.

Сделал все, как надо!

После выхода на пенсию майор запаса Владимир Львов нашел новое призвание-воспитание подрастающего поколения. Был военруком в Туринской школе-интернате и Туринской средней школе, преподавал в вечерней школе рабочей молодежи.

Занимаясь обучением и воспитанием чужих детей, Владимир Иванович, конечно же, не забывал и о своих. Его сыновья, Александр и Николай, как и отец, стали военными авиаторами.

Очень хотелось бы закончить этот очерк на мажорной ноте – что вот, дожил ветеран до сегодняшних дней и в этом году будет праздновать 75-летие Великой Победы, в достижение которой и он, совсем тогда еще пацан, внес свой вклад.

Однако 70 лет по нынешним меркам – это целый жизненный срок! Многие мужчины у нас, к сожалению, просто столько не живут. Конечно, Владимир Иванович прожил довольно большую и, можно сказать счастливую жизнь. Но до сегодняшних дней он, увы, не дожил, как и многие другие ветераны Великой Отечественной войны.

Да, громких подвигов Владимир Львов не совершил. Но все, что положено настоящему мужчине, он сделал: и Родину защитил совсем в юном возрасте, и в мирное время достойно ей послужил, и замечательное потомство после себя оставил. За что ему честь и вечная память! Дай Бог каждому так прожить...

Судьба разведчика

– Слушай, а давай напишем Колю, а?

Алексей Иванович Кокоулин глядел на меня с хитроватым прищуром. После того, как я написал о нем очерк в нашей газете как о фронтовике, мы подружились, и этот геройский старикан иногда заходил в редакцию «Эвенкийской жизни». Когда просто потрепаться, когда пожаловаться на проблемы.

Впрочем, серьезная проблема у него была одна: жилье. Вернее, отсутствие оно. Ветеран Великой Отечественной жил один в развалюхе, бывшей до войны... конюшней, и переделанной под жилой дом. Лачуга эта была холодной, ее все время надо было топить, чтобы не замерзнуть.

Привозную воду надо было своевременно перетаскивать из уличной бочки в домашнюю, прозеваешь – и на сорока-пятидесятиградусном морозе она за считанные минуты промерзнет до дна, а потом выколачивай ее.

Был Кокоулин помоложе – сам со всем справлялся, не роптал. Ну а когда перевалило за семьдесят, стал просить у местных властей предоставить ему благоустроенное жилье. Ну а что, имел право!

Да вот только чиновники все кормили его обещаниями. Или предлагали жилье вроде получше, поближе к центру столицы Эвенкии, но все с той же ненасытной печкой и с железной бочкой для привозной воды во дворе.

И я писал в газете о проблеме ветерана. Но ушли те времена, когда на газетные публикации местные власти обязаны были реагировать и принимать по ним конкретные меры. Их просто игнорировали. Или пренебрежительно отмахивались. Да и недолюбливали местные власти Кокоулина. Дед был откровенным хулиганом.

Семьи у него не было (с женой давно уже развелся, а единственный сын жил в Красноярске и напрочь забыл об отце), и Кокоулин нередко устраивал дома загулы – с бабами, с драками, со стрельбой. Как-то ранил из ружья непрошеного гостя. Да и в него стреляли, чудом уцелел.

А когда Алексей Иванович шел в очередной раз в мэрию по поводу своего жилья, там все от него просто прятались. Потому что бывший фронтовик в гневе и выражений не подбирал, и за грудки мог схватить и потрясти.

В общем, многим Кокоулин не нравился. Но мне он импонировал своей живостью и непосредственностью. Да и не уважать его за боевое прошлое было просто нельзя. Воевал Алексей Иванович, как истинный сибиряк, бесстрашно, с выдумкой.

В действующую армию он был призван в сентябре 1942 года из деревеньки Абакумовка Иланского района, в Канске прошел подготовку и в октябре попал на Калининский фронт рядовым стрелком.

Под Великими Луками в конце 1942 года разгорелась ожесточенная битва между силами 3-й Ударной армии, 3-й Воздушной армии и вражеской группы армий «Центр», вошедшая в историю Великой Отечественной войны как Великолукская операция.

– Ты понимаешь, раз семь или восемь брали мы этот город и снова отдавали немцам. Вот как сшиблись. Мясорубка была страшная – от некоторых наших полков, веришь ли, к концу сражения за Великие Луки оставались считанные бойцы, – рассказывал мне Алексей Иванович Кокоулин на диктофон.

Во время очередной атаки на ошестинившиеся плотным огнем немецкие позиции что-то ударило Кокоулина в переносицу. Лицо его, глаза мгновенно оказались залиты кровью. Ничего не видя перед собой, боец беспомощно остановился, начал протирать глаза. А наступающая рота ушла вперед. Кокоулин вынужден был, поминутно спотыкаясь, почти на ощупь доби-

раться до санбата. Здесь женщина-военврач извлекла из его переносицы маленький осколочек, промыла и зашила рану.

– Все, боец, можешь идти в строй. Считай, что тебе повезло, ведь мог и глаза лишиться, – сказала она. Тот подхватил винтовку и назад, к своим. А от его второй роты, как, впрочем, практически и от всего полка, ничего почти не осталось – все были выбиты в той атаке. Наверняка и для Кокоулина здесь все и навсегда бы закончилось, если бы не то ранение.

Затем было переформирование, и Кокоулин угодил в расчет противотанкового 76-миллиметрового орудия ЗИС-3, наводчиком, для чего прошел специальное ускоренное двухнедельное обучение. В составе той же 3-й Ударной армии Калининского фронта принял участие в Невельской операции. И здесь бои велись не менее тяжелые, чем под Великими Луками. Атаки наших войск сменялись контратаками гитлеровцев, в воздухе сшибались самолеты, на земле – танки и пехота, вела затяжные дуэли артиллерия. Люди и с той, и с нашей стороны гибли тысячами, дымно чадя, горела подбитая техника.

Отбивая одну из контратак немцев, расчет Кокоулина расстрелял по живой силе и подбирающимся все ближе немецким танкам все снаряды, а в это время зашедшие с левого фланга стальные чудовища стали гусеницами вытаптывать расположение батареи, поливать фактически обезоруженных (что сделаешь с винтовкой против танка?) и разбегающихся артиллеристов пулеметным огнем.

Одну свирепую урчащую машину Кокоулин сумел подорвать противотанковой гранатой. А дальше видит: все, хана! В живых на батарее осталось только трое. Ни от насевших танков отбиться нечем, ни к своим ходу нет, отрезаны. Артиллеристы пробрались в блиндаж командира батареи (сам комбат был уже убит к тому времени), притаились там – авось пронесет. И тут же раздался лязг гусениц, гул работающего мотора, затрещали бревна наката, и под тяжестью танка крыша блиндажа просела и накрыла находившихся внутри бойцов.

– Дальше я уже ничего не помнил, потерял сознание, – рассказывал Алексей Иванович. – Потом немцев погнали назад, и кто-то из пехотинцев услышал стоны из заваленного блиндажа. Нас раскопали, один из троих был уже мертвый. Я очнулся потому, что врач санбата стал выковыривать у меня изо рта, носа землю. С контузией, сильно помятый, я был направлен в Наро-Фоминский госпиталь...

Молодой здоровый сибиряк быстро шел на поправку. Настолько быстро, что, сдружившись с однопалатником Колей (только имя его и осталось в памяти), однажды рванул в самоволку в город.

– Слушай, а об этом можно рассказывать? – с сомнением покосился Алексей Иванович на диктофон. – Может, ты его выключишь.

– Да ничего страшного, Алексей Иванович, – говорю ему. – Рассказывайте и об этом. – Ведь воевали-то не роботы, а люди, с присущим им всем человеческим. Тем более что в молодости вы были, как я понимаю, человеком очень живым, озороватым.

– Так оно и есть, – не без гордости подтвердил Алексей Иванович. – Ну, тогда слушай...

В городе они, оказывается, купили на пару бутылку денатурата, уговорили ее на пару же и окосели. В таком виде их и задержал патруль – «пожилые дядьки с винтовками», как выразился Кокоулин.

А ребятам хмель ударил в голову: какое имеют право эти тыловые крысы задерживать истинных фронтовиков? Ну и умудрились отнять у патрульных винтовки, да еще и накостылять им. На шум сбежалось подкрепление, Кокоулина с тем самым Николаем все же скрутили и пока водворили обратно в госпиталь.

Наутро ими занялись начальник госпиталя полковник и майор из контрразведки. Провинившимся солдатам засветил трибунал. А у Коли того, он уже давно обитал в госпитале, была подружка санитарка Катя. Она раздобыла два комплекта обмундирования, и бойцы, так и не долечившись, удрали из госпиталя.

Кокоулин в мешанине продвигающихся на запад войск сумел таки найти свою часть. А в ней – новые люди, новое командование, орудия – и те другие, более совершенные. Алексей пошел к командиру батареи, тоже новому, доложил, что вот, вернулся из госпиталя. Правда, без сопроводительных документов. Зато досрочно.

– А меня – на кухню, хозрабочим, так сказать. Дескать, долечивайся пока здесь. А там посмотрим, на что ты годен, – сердито пыхтя, делится теми давними, но по-прежнему волнующими его кровь воспоминаниями Кокоулин.

Ну и что ж, пришлось ему чистить картошку, заготовливать дрова. И как ни унизительно это было делать понюхавшему порох бойцу, но делал. Кому-то и этим надо было заниматься. Но вскоре судьба его сделала крутой поворот, как это не раз уже случалось с Кокоулиным на фронте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.